

© 1997 г. Ю.С. СТЕПАНОВ

**НЕПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ
ПЕРЕДВИЖЕНИЯ УДАРЕНИЯ В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ
(I. Вокруг законов Ваккернагеля и Лескина)***

I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ И ТЕРМИНОЛОГИЯ

В исходном (в рамках данной работы) пункте термины "ударение" и "передвижение ударения" берутся в их общем, генерализующем значении: не предпринимается ни вопрос о природе ударения – тоновое оно, музыкальное или динамическое; ни вопрос о природе "передвижения" – засвидетельствовано ли оно реально в диахронии между разными временными срезами одного диалекта (языка) или же как соотношение между синхронно наличными формами одного диалекта, как, например, русск. *под бóком* – *под боком*. (Таким образом мы стремимся и здесь сохранить принцип, которого давно уже придерживаемся в общей теории языка, – "принцип независимости состояний": выделяемые параметры в исходной точке должны рассматриваться как независимые, вплоть до доказательства обратного, т.е. их связей [Степанов 1975]. Но, конечно, и в этой области есть свои общепринятые презумпции, или "аксиомы", например, следующая: "Подобно тому как ударение новогреческого языка обычно занимает место древнегреческого тона, так и ударение литовского, русского, сербского и других языков донныне занимает место тона, наличествовавшего в общебалтийском и общеславянском" [Мейе 1938: 162]. В наши дни, на глазах, возникает новый подход с новой аксиоматикой, которая обсуждается и одновременно формируется в таких работах, как [Николаева 1993].) По мере изложения генерализующие термины уточняются и заменяются более точными раздельными.

В дальнейшем мы намерены сопоставить закон Лескина с законами Шахматова, Вандриеса и другими, характеризующимися по крайней мере одной общей чертой: их языковым материалом является с д в и г ударения "в л е в о", от последнего слога слова или словосочетания к началу. В достаточно общей форме вопрос об их сходстве не ставился, хотя вообще сходства отмечались, причем весьма по-разному. Либо как чисто типологические, так что, например, "слоговые интонации", связанные с этими законами, рассматривались как исторически независимые [Kuryłowicz 1934]. Либо сходства как бы сами собой подразумеваются как некие расплывчатые типолого-генетические параллели [Collinge 1985]. Здесь в предлагаемой формулировке "сдвиг ударения влево" рассматривается как первично наблюдаемый факт, в его, так сказать, феноменологическом облике. Что касается его квалификации, отношения к типологии, к генетически унаследованным акцентуационным парадигмам, и т.д., то это как раз то, что предстоит определить.

Таким образом, нас прежде всего будет занимать вопрос о методе, т.е. о способе, каким наблюдаемые различные факты можно уложить в достаточно единое

* В основе статьи лежит доклад, прочитанный на "Первой всероссийской конференции по проблемам сравнительно-исторической индоевропеистики", 3–6 февраля 1997, МГУ. Другая часть этого доклада публикуется в материалах названной конференции (Научные доклады филологического факультета МГУ. Вып. 2. 1997).

теоретическое описание, сделать их теоретически сопоставимыми, сравнимыми. (После чего можно будет более строго поставить вопрос об их сходной или, напротив, несходной природе.)

В своем подходе мы опираемся на наблюдения над живыми языками, прежде всего над современными литовскими диалектами [Степанов 1972], а также на наблюдения над живой речью, прежде всего русской, в ее отношении к стиху – на современные, "неклассические" теории стиха. Две эти базовые установки подробно рассматриваются ниже (пункты II и IV–VI).

При таком, "непарадигматическом", подходе первичными данными являются слог, просодия слова (просодическая схема слова, суперсегментные характеристики слова), просодия фразы, а не морфема в ее интонационном устройстве (не "морфема как носитель интонации – акута, циркумфлекса и т.д."). Поэтому данный подход совершенно отличен от подхода так называемой "парадигматической акцентологии" [В.А. Дыбо, П. Гард, Б. Стунджа (Stundžia) и др.].

Именно этот пункт является центральным для разграничения двух названных подходов. "Парадигматическая акцентология" опирается на "аксиому", сформулированную Ф. де Соссюром на материале литовского языка: *интонируемый внутренний отрезок слова, содержащий долгий гласный, в литовском языке определен самим фактом в своей интонации* (так же, как он определен, например, в своем количестве и тембре); интонация будет всегда акутовой, если только она не изменилась в силу какого-то особого обстоятельства. "Интонируемый отрезок" ("tranche intonable") де Соссюром, в сущности, не определен, но ближе всего сопоставляется у самого автора со слогом, иногда – только с гласным в пределах слога и в соответствии с этим имеет второе название "вокалический отрезок" ("tranche vocalique") [Соссюр 1977а: 599–600]. Поскольку исходное рассуждение проведено применительно к "внутренним" интонируемым отрезкам, то точно таким же образом (и так же без авторского определения) эти отрезки оказываются ближе всего к понятию "корневая морфема". В дальнейшем так и стало пониматься все исходное построение де Соссюра, а именно: *корневые морфемы литовского языка имманентно обладают каждая своей интонацией, точно так же, как они обладают своим набором фонем.*

Однако все дальнейшее исследование литовской акцентуации самим де Соссюром (в частности, и его "закон", т.е. "закон де Соссюра") проводится применительно не к морфемам, а к слогам. Между тем никаких корреляций между морфемой и слогом в литовском языке, да и вообще в индоевропейских, в рамках "парадигматической акцентологии" не устанавливалось. Таким образом, "аксиома" де Соссюра является достаточно априорным и вместе с тем дерзко "сильным" утверждением.

(Существенно иначе трактуется, например, закон Лескина в интерпретации де Соссюра сравнительно с авторской, лескиновской. Сравним: у А. Лескина: "Правило гласит: из исконных долгих конечных слогов слоги с циркумфлексным ударением сохранили старую долготу, слоги же с акутовым ударением сократились" – "Die Regel lautet: von den ursprünglichen langen Endsilben haben die mit geschliffener Betonung die alte Länge bewahrt, die mit gestossener aber verkürzt" [Leskien 1881: 189]. У Ф. де Соссюра: "Прямым следствием или, скорее, предпосылкой закона Лескина о сокращении гласных в конечных слогах является тот факт, что восходящая и нисходящая интонации присущи (или были присущи в определенный момент) долгим безударным гласным в той же мере, как и долгим ударным гласным. Конечные гласные с нисходящей интонацией сокращаются, а конечные гласные с восходящей интонацией сохраняют свое количество независимо от места ударения" [Соссюр 1977а: 598]. Нашу трактовку закона Лескина, которая более близка к авторской, см. ниже.)

Далее в "парадигматической акцентологии" роль *корневой морфемы* (уже вовсе безотносительно к слогу) все более гипостазировается, ср.: "Тот факт, что традиционные акцентные типы производных определяют выбор акцентных типов производных, свидетельствует о том, что именно *корневой морфеме* (а не основе или слову в целом) следует приписать некое качество – "валентность", определявшее выбор акцент-

ного типа..." [Дыбо 1981: 9], так же [Stundžia 1995] ("просодия слова априори исчислима").

Между тем, с точки зрения "непарадигматической акцентологии" все эти положения могут быть прочитаны ровно наоборот: связь между акцентным типом производного слова и интонацией корневой морфемы определяется словообразовательным типом, словообразовательной моделью слова как целого и т.п. Исходное положение де Соссюра "морфема имманентно несет в себе интонацию, так же, как она несет в себе свой состав фонем" точно так же заменимо на противоположное: определение фонемы является производным от слога, следовательно – от слогового устройства слова в целом (принцип: "зависимость понятия фонемы от понятия слога", – см. [Степанов 1974; Степанов, Эдельман 1976]). И т.д. Сама базовая мера "интонируемый отрезок" не приравнивается исключительно к слогу, ни тем более только к гласному в пределах слога, но может совпадать с некоторой промежуточной единицей между слогом и словом [Николаева 1993: 25].

Итак, рассматриваемые нами сдвиги ударения не зависят от акцентных парадигм, в том смысле, что последние не являются их источниками, хотя часто выступают в качестве упорядочивающих рамок. Напротив, эти сдвиги связаны с принципами слога-деления и вообще слогового устройства, существующими в данном языке, т.е. с тем, является ли данный язык "слогосчитающим", "моросчитающим" или некоторым образом совмещает оба эти принципа.

Что касается самых общих причин названных сдвигов, то здесь можно высказать лишь предварительную гипотезу. Эти причины, по-видимому, двух типов – внешние и внутренние, внутриязыковые. К внешним относится прежде всего влияние субстрата – так в латышском, в диалектах литовского, в эолийских диалектах древнегреческого. (О механизме таких акцентных взаимодействий можно получить представление из случая, рассмотренного Р. Якобсоном, – один русский диалект в карельском окружении [Jakobson 1962b: 239].)

Но с внешними причинами гармонируют, их "допускают" внутренние факторы, которые могут иметь и вполне самостоятельное воздействие. Мы имеем в виду такую особенность индоевропейского слова и индоевропейской фразы, как их тенденцию к "сильной точке интенсивности" в своей ритмической организации. В рассматриваемом нами материале получает обобщение идея, спорадически высказывавшаяся разными исследователями как применительно к слову [Vendryes 1902; Булаховский 1947: 162; Герценберг 1979: 37; Николаева 1992] (в последней работе особенно четкая, резюмирующая формулировка), так и применительно к фразе [Wackernagel 1892; Николаева 1996].

Несколько предварительных примеров разъяснят общий характер нашей работы.

1. П а д е ж н а я м е т а т о н и я. В литературном литовском языке противопоставлены, как форма с накоренным ударением форме с ударением на окончании, *jáunas* Им. ед. муж. "молодой" – *jaunà* Им. ед. жен. "молодая"; в некоторых диалектах, где имеется оттягивание ударения, форма муж. рода остается такой же, а форма жен. рода приобретает вид *jaĩna*, т.е. противопоставляется первой как форма с циркумфлексом форме с акутом (хотя здесь обе имеют накоренное ударение). Это пример падежной метатонии. Подобные же случаи имеются, как известно, в классическом (аттическом) греческом: ἀγών "собрание" Им. ед. – ἀγώνος Род. ед. муж.; δοτήρ "раздатчик" – δοτήρος Род.; μήτηρ "мать" – μήτηρ Зват., и т.п. Не говоря о внешнем сходстве, в обоих языках сходны и глубинные основания этого явления: в литовском в этом диалекте передвинутое ударение не может быть сдвинуто справа налево более чем на одну мору; в греческом – вторая мора, считая от конца слова для ударения, по удачному выражению А. Мейе, "омертвлена". Иначе говоря, причина и там и тут лежит в "морном" строении слова в обоих этих языках.

Напомним, однако, что расположение морных вершин в слоговых интонациях этих двух языков "обратное": в греческом акут – сильноконечный (◡◡), циркумфлекс –

сильноначальный (∪ ∪); в литовском как раз наоборот: акут ∪ ∪, циркумфлекс ∪ ∪ (более точную формулировку см. ниже).

Уже из этого элементарного сопоставления вытекают следующие "дескриптивные выводы", важные для техники описания фактов.

2. Несовпадение терминологий. Вообще, при описании индоевропейских слоговых интонаций используются две пары противопоставленных дифференциальных признаков – либо одна (I), либо другая (II), но сами пары часто взаимозаменяются. В следующей таблице (табл. 1) даем их слева в русских терминах, а далее – в обычных соответствиях, т.е. как бы в "переводах", на других языках:

Таблица 1

	Русск.	Нем.	Франц.	Англ.	Литов ¹ .	Междунар.
I	1. Резкий (острый)	Stosston gestoßen	rude	rude falling		Акут
	2. Нерезкий (плавный)	Schleifston geschliffen	doux, douce	slurred		Циркумфл.
II	1. Сильноконечный (восходящий)	steigend	montante	rising	tvirtagālė	Акут
	2. Несильноконечный (сильноначальный, нисходящий, падающий)	fallend	descendante	falling	tvirtaprā dė	Циркумфлекс

¹В литовском соответствия "циркумфлекс" и "акут" - обратные (см. ниже).

Из этого сопоставления видно, что в разных традициях, использующих разные европейские языки, и даже у разных авторов, пишущих на одном языке, противопоставление акута и циркумфлекса описывается в разных системах: либо в терминах "резкий/плавный" (I), либо в терминах "сильноконечный/сильноначальный" (II). Это неизбежно чревато путаницей, пример чего находим даже в такой солидной обзорной работе, как книга У. Леманна [Lehmann 1996: 59]. Там и.-е. акут описывается как "falling accent" ("падающий"), хотя рядом дается нем. Stosston "резкий тон", а и.-е. циркумфлекс как "slurred accent" ("размытый"); между тем в европейской традиции термин "падающий", или "нисходящий", закрепился за циркумфлексом, а к акуту во всех его разновидностях (т.е. также и к "нео-акуту, новому акуту") применяется только термин "rising" ("восходящий"). Термины "акут" и "циркумфлекс", не влекущие никаких фонетических ассоциаций, являющиеся лишь именами значков (соответственно, ^ – акут; ~ – или ^ – циркумфлекс) остаются поэтому универсальными и предпочтительными; они применимы также к литовскому: в то время как "акут как восходящий" здесь не подходит, сам термин "акут" (как "резкий") остается (см. табл. 1).

Итак, применительно к нашему дальнейшему изложению эти термины означают: 1) древнегреческий: акут – восходящая слоговая интонация с иктусом (сильной долей) на второй мере гласного, если последний рассматривается сам по себе, или, что то же, на первой мере гласного, считая "справа", от конца слова; одновременно это интонация резкая (во всяком случае, более резкая, чем циркумфлекс); циркумфлекс – нисходящая слоговая интонация с иктусом на первой мере гласного, считая "слева", или на "второй", считая "справа", от конца слова; это интонация плавная; 2) литовский: акут – резкая падающая интонация с иктусом на первой мере "слева" (на второй "справа"); циркумфлекс – плавная восходяще-нисходящая интонация с иктусом при переходе от одной меры к другой. Следует подчеркнуть, что это описание является теоретическим конструктом, весьма удобным, между тем как фонетическая реализация в современном литовском не укладывается в "двухморную" схему. На территории Литвы в диалектах и вариантах литературного языка слоговые интонации весьма вариативны и различительным признаком акута и циркумфлекса является относительный момент появления пика

интенсивности, т.е. различительная сила приходится, по-видимому, на начальную или срединную часть слоговой интонации ("первую слева" долю) (см. [Гаршва 1977; Pakerys 1982: 152]).

Как в литовском, так и в древнегреческом, циркумфлекс – более "протяженная", фонетически более "вязкая" интонация, что неоднократно побуждало исследователей описывать ее не как "двухморную", а как более длительную, может быть даже "трехморную".

3. "М о р о с ч и т а ю щ и е" я з ы к и. Этим явлением много занимались основатели современной фонологии "пражцы" Н.С. Трубецкой и Р. Jakobson (см., например [Jakobson 1962 a]); понятие введено Н.С. Трубецким в его "Основах фонологии" [Трубецкой 1960: 216–217; 231], но нельзя сказать, что введено с полной ясностью. Автор рассматривает языки, в которых слогообразующие гласные или сонанты имеют неодинаковую характеристику на всей своей длине: одна доля их отличается от другой, например, по высоте тона, и тем самым один такой гласный (или сонант) может быть противопоставлен другому; такое противопоставление приобретает смысловозначительную значимость. «Геминированную, или в более общем виде – многочленную, значимость долгих слогоносителей можно назвать "арифметическим пониманием количества", а языки, в которых обнаруживается такое понимание, – "моросчитающими языками" (поскольку минимальная просодическая единица в таких языках не всегда совпадает со слогом). Этим языкам противопоставляются "слогосчитающие" языки, где просодические единицы всегда совпадают со слогом и где долгий слогоноситель (если только он вообще существует) должен расцениваться как целостная единица, а не как сумма ряда более дробных единиц» [Трубецкой 1960: 216–217].

Неясность здесь состоит в том, что при таком понимании противопоставленными единицами оказываются моры как признаки гласного (или сонанта). Но ведь в других случаях противопоставленными фонологическими единицами выступают не признаки фонем (Merkmale; features), а сами фонемы в целом (например, в русском противопоставлены [т'] и [т], а не "палатальность" и "ее отсутствие"). Кроме того, противопоставление по морям возможно не только для гласных, но и для согласных, – например, в русском *подать* и *поддать* различаются своими "д" – одноморным в первом случае и двухморным во втором.

Поэтому признак "моросчитающий", как он введен Н.С. Трубецким, мы отнесем не к языку в целом, а только к его системе гласных, т.е. будем считать, что язык с такими особенностями является "языком с моросчитающей системой гласных". Литовский мы не относим к "моросчитающим" языкам, но к языкам с "моросчитающей системой гласных".

Последовательно "моросчитающим" языком мы будем считать такой язык, в котором "морный признак" относится и к системе гласных, и к системе согласных (хотя бы и не ко всем согласным), где, следовательно, имеют место моро-слоговые явления "растяжения / сокращения". Таков древнегреческий и, по-видимому, в несколько более слабой степени древнеиндийский, особенно ведийский. Конкретным языковым примером "растяжения" может служить греч. *τιθεῖς* из **τιθευς* прич. акт. наст. вр. "кладущий". (В учебнике С.И. Соболевского [Соболевский 1948: Указатель] подобные явления вводятся под двумя терминами – "растяжения" и "удлинения" без четкой разницы. В новейшем учебнике [Славягинская 1996: Грамм. указатель] выделяется "заместительное удлинение", как в приведенном примере, но зато рубрикация простого "удлинения" и "растяжения" потеряны. Мы, как это сделано в нашей книге [Степанов 1975: 155], будем стараться последовательно различать "удлинения" – продления гласного без изменения тембра, например, $\epsilon \rightarrow \eta$, и "растяжения", или "заместительные удлинения", обычно при "выпадении" согласных в пределах слога, – с изменением тембра, например, $\epsilon \rightarrow \epsilon_1$, как в вышеприведенном примере. Эти понятия, как и их различие, важны для интерпретации многих фонетических явлений, например, закона Остгофа.)

II. ПРИНЦИП "НАБЛЮДЕНИЕ НАД ЖИВЫМИ ЯЗЫКАМИ". ЛИТОВСКИЙ ЯЗЫК

Материал явлений и законов, названных в заголовке, относится в основном к трем ареалам индоевропейской языковой общности – 1) балтийскому, прежде всего литовскому; 2) славянскому; 3) древнегреческому. В данной статье используется главным образом литовский и древнегреческий. Таким образом литовский язык важен для нас в двух отношениях: в методическом – он прямо отвечает требованию "наблюдать живые языки", в "источниковедческом" – он поставляет обширную базу фактов.

1. Просодические особенности литовского слова. В литовском слове прежде всего обращает на себя внимание его пластичность: просодический облик слова изменчив по диалектам и гибок в литературном языке. В литературном языке просодическим центром слова является ударный слог, несущий на себе отчетливо выраженную слоговую интонацию (акут или циркумфлекс в их выше характеризованном смысле), но в определенной мере по отношению к ударному слогу выравниваются и все остальные слоги. К. Буга так описывает это явление. Возьмем, например, слово *vėgėlė* "налим" с ударением на последнем слоге (т.е. в форме Им. ед.); "все предударные слоги, т.е. *vė* и *gė*, имеют такую же интонацию, как и ударный *lė*, только более слабо выраженную" [Būga 1961: 19]. Но в Им. мн. то же слово имеет ударение на первом слоге и сильноначальную интонацию (т.е. акутовую в литовском смысле): *vėgėlės*. Используя два знака, эти две формы можно записать так: *vėgėlĕ*, но *vėgėlēs*, иными словами, они различаются интонациями всех своих слогов, как ударных (это основное различие), так и безударных (это сопровождающее, индуцированное) различие.

Пример К. Буги, однако, не вполне ясен и даже двусмысленен. Во-первых, Буга записывает Им. мн. указанного слова с интонацией акута на первом слоге, в то время как современные нормативные словари дают здесь интонацию циркумфлекса, т.е. *vėgėlės* против *vėgėlēs* у Буги. Во-вторых, поэтому из этого примера неясно, выравниваются ли интонации по интонации и ударного слога или же только по направлению к месту ударного слога. Первый случай сам К. Буга не рассматривает, и мы говорим здесь об этом лишь как о чисто теоретической возможности. Однако в истории литуанистики известны факты, когда такая возможность могла быть принята во внимание. Так, например, Л. Ельмслев сформулировал закономерность, согласно которой "всякий ударный слог принимает интонацию непосредственно следующего за ним слога (т.е. слога "справа". – Ю.С.)" [Hjelmslev 1932, 5 и 234]. Эта закономерность, если она действительно подтвердится на достаточном материале (что, кажется, до сих пор не обследовано), может принадлежать, конечно, только к области живой, актуальной деривации, словопроизводства и, следовательно, относиться к сфере метатонии. Но примеры в таком случае могли бы быть очень разнообразны: 1) *kója* → *pakōjui* "нога" → "нога в ногу" (наречие); *pakōjė* "место у ног, под ногами"; при интонации суффиксальных элементов-*ũ* (*pakeliũ*), *-ė* (*garbė*); 2) *ėsti*, *ėda* "есть, ест" → *ė-desis* "корм" и т.д. Обычно метатония происходит так, что акут замещается циркумфлексом, но правило Ельмслева (или, как некоторые говорят, "закон Ельмслева") позволяет объяснить и такой редкий случай обратного, как *garbė*~ → *garbė- myla* "честь" → "честолюбие", который в ином контексте рассматривается также Е. Куриловичем [Kuryłowicz 1934: 26]. Метатония вообще – это мена интонации в одном корне, принадлежащем двум разным словам – исходному и производному, т.е. явление, лежащее в плане парадигматики. Здесь же перед нами метатония, определенная дополнительным условием – гармонией получающейся новой интонации с интонациями других слогов того же слова, т.е. явлением синтагматики, что можно было бы назвать ассимиляцией по интонации соседних слогов.

Второй случай, о котором говорит пример К. Буги (и на этот раз и сам Буга), иной: интонации безударных слогов выравниваются по направлению к ударному

слогу, как бы фонетически "клонятся" к нему, т.е. все предударные слоги будут иметь интонацию сильноконечную (циркумфлекс), а все заударные – сильноначальную (акут), какова бы ни была интонация ударного слога. В условной записи это можно изобразить так (ударный гласный изображен прописной буквой): *pō-pō-pO* (1), но *pO-pó-pó* (2). Такое соотношение было бы ожидаемым с точки зрения "естественной" индоевропейской фонетики, что делается очевидным, если записать те же примеры в моро-слоговой форме ("чашка" означает одну мору гласного,

вертикальная черта – границу слога): $\cup \cup \cup | \cup \cup | \overset{\cdot}{\cup} \cup \cup$ (1), $\overset{\cdot}{\cup} \cup \cup | \cup \cup \cup \cup$ (2). Иктусы

(сильные доли) долгих гласных стремятся занять позицию, ближайшую к основному ударению, т.е. получают циркумфлексы во всех предударных слогах (1) и акуты во всех заударных (2).

Вышеприведенный абзац – это наш комментарий к "правилу Буги". Но имеются практические описания, вполне соответствующие этому. Так, например: "В неударных слогах интонации не обозначаются по той причине, что они и без того ясны. Обычно все долгие слоги перед ударением имеют сильноконечную интонацию (циркумфлекс. – Ю.С.), а заударные – сильноначальную (акут. – Ю.С.)" [Kamantauskas 1928: 7]. Сам Буга дает именно такое толкование (упомянутая работа и основана на указании Буги), но все же делает существенную оговорку: "Предударная интонация ясно слышна на всей территории Литвы (*vėgėl'ė*), но заударная (*vėgė'lėi*) ясно слышима только в жемайтском диалекте. В северо-восточных аукштайтских говорах (например, в районах Дусетос, Паневежис, Шяуляй) в заударной позиции сильноначальность невозможно отличить от сильноконечности в силу действующего там укорочения гласного в неударных слогах" [Kamantauskas 1928: 20]. В настоящее время имеются более детальные описания этого явления, не отрицающие, однако, правила К. Буги [Pakerys 1971; 1982; Гаршва 1977; Girdenis 1981: 190].

2. Сдвиги ударения "влево". Это единственный тип движения ударения, имеющийся на всей территории Литвы. Случаи переноса ударения "вправо" – лишь "кажущийся перенос". Таковы, например, акцентуация слова *oda* "кожа" не по 1-й акцентной парадигме, а по 4-й, или слова *piřtas* "палец" не по 2-й, а по 4-й; на самом деле это морфологические процессы, связанные с осмыслением принадлежности слова к тому или иному морфологическому и акцентуационному типу. Положение в диалектах в отношении оттягивания ударения в настоящее время уже довольно хорошо описано (мы используем обобщающую работу З. Зинкявичуса "Литовская диалектология" [Zinkevičius 1966: 37–49]).

Мы представим литовские диалекты по типу оттягивания ударения "влево" в градуальной классификации: начиная с говоров, непосредственно примыкающих к каунасской зоне (Паломяне), они располагаются в пять зон, на местности почти по кругу, точнее по спирали, против часовой стрелки, т.е. на восток, далее северо-восток, север и еще далее на северо-запад, где жемайтские диалекты могут рассматриваться как заключительная, шестая зона. Поскольку с севера к территории Литвы примыкает территория Латвии – ареал латышского языка с обобщенным сильным ударением на первом слоге слова, постольку все эти явления можно рассматривать в единстве – как ареал сдвигов ударения влево, внутренне градуированный. Эти данные представлены в таблице (Табл. 2). (Она заимствована нами из нашей работы [Степанов 1972].)

Таблица представляет собой в некотором роде матрицу: ее строки, расположенные по вертикали сверху вниз, представляют названные зоны; что касается ее колонок, т.е. членений строк по вертикали, то они требуют некоторого комментария. Главное содержание каждой строки, читаемой по колонкам, – это соотношение конечного (последнего) слога слова и предпоследнего, т.е. для двухсложных слов – "конечного ансамбля", внутри которого и осуществляется главный фонетический процесс. Это понятие "конечного ансамбля" для литуанистики является некоторым вводимым нами новшеством (по очевидной аналогии с соответствующим понятием для греческого

Типы оттягивания ударения в аукштайтских диалектах (непрерывная градуальная классификация)

№ зоны	Схема оттягивания (для двухсложных слов)	Пример	Населенные пункты
I	Предпослед- Последний ний слог слог — ← ∪ Под долгим здесь понимается только собственно долгий и <i>ie, io</i> но не: <i>ai, au, ei, ui, ar, al,</i> <i>am, an</i> и т. п.	^s <i>mėsa</i> < <i>mėsà</i> ^s <i>plīta</i> < <i>plytà</i> ^s <i>kiemu</i> < <i>kiemū</i> но: <i>sausà, laukūs, tvarkà</i>	Palomenė Pabaiskas Bagaslaviškis Gelvonai и др.
II	— ← ∪	<i>jaūna</i> < <i>jaunà</i> (при муж. роде <i>jáunas</i>) <i>šaltī</i> < <i>šaltīi</i> (при <i>šáltas</i>), т.е. при оттягивании на акут возникает метатония. Имеются случаи двой- ного ударения: <i>laūkūs</i> < <i>laukūs</i>	Uoginiai Debeikiai Palėvenė Troškūnai (зона двойного ударения: <i>Svėdasai, Rimšė,</i> <i>Zarasai, Dusetos</i> и др.)
III	∪ ← ∪	<i>saūs</i> < <i>saušà</i> ^s <i>vien</i> < <i>vienà</i> <i>vis</i> < <i>višī</i> <i>šak</i> < <i>šakà</i>	Небольшая зона: <i>Biržai,</i> <i>Vabalninkas</i> и др.
IV	— ← ∪	<i>gaidīs</i> < <i>gaidỹs</i> но: <i>sako</i> < <i>sakuī</i> <i>šakà</i> < <i>šakà</i> При оттягивании возникает метатония <i>gỹva</i> < <i>gyvà</i> (при <i>gỹvas</i>)	Только в нескольких деревнях около: <i>Šaukėnai</i> <i>Panevėžys</i>
V	— ← ∪ ∪ ← ∪ бывший долгий	^s <i>skiedros</i> < <i>skiedrōs</i> <i>plātōs</i> < <i>plataūs</i>	<i>Pašvitinys</i> <i>Šeduva</i> <i>Linkuva</i> <i>Vaškai</i> и др.

языка). Ему предшествует в литуанистике краткая история. Первоначально, еще в 1930-е годы А. Салис предложил классифицировать явления оттягивания по тому слогу, на который происходит оттягивание; позднее В. Гринавецкис использовал вообще иную систему терминов; наконец, З. Зинкявичус предложил брать за основание классификации тип конечного слога, с которого происходит оттягивание [Zinkevičius 1966: 37 (сн.)]. Учитывая характер и того, и другого слога и их соотношение, мы тем самым в понятии "конечного ансамбля" обобщаем приемы Салиса и Зинкявичуса.

III. ЗАКОН ВАККЕРНАГЕЛЯ В СВЯЗИ С ЗАКОНОМ ЛЕСКИНА НА ЛИТОВСКОМ МАТЕРИАЛЕ

Прокомментируем прежде материал, приведенный в табл. 2. Мы не включили в него глагол. Действительно, материал литовского (и вообще, балтийского) глагола сопротивляется какой-либо слишком прямолинейной структурной трактовке, не только с точки зрения "оттягивания ударения", но и с точки зрения парадигм акцентуации. Во всех отношениях картина здесь остается сложной, противоречивой и к тому же "пятнистой", страдающей большими пробелами в изученности материала (см. [Stang 1966: 449 и сл.; Zinkevičius 1981: § 550]). Некоторые относящиеся сюда трудности мы

отметили раньше [Степанов 1972: 178–181]. Теперь же остановимся на вопросах, связанных именно с "движениями ударения".

Прежде всего, проблемой является различие слоговых интонаций приставок глагола и имени в их отношении к интонации предлога. Ср.:

В предлоге		В глаголе		В имени
<i>prõ</i>	<i>prà-kala</i>	"продалбливает"	<i>prà-kalas</i>	"пробойник"
"	<i>prà-kasa</i>	"прокапывает"	<i>prà-kasas</i>	"прокоп"
"	<i>prà-neša</i>	"объявляет"	<i>prà-našas</i>	"пророк"
"	<i>pra-kaĩpo</i>	"прорезает"	<i>pra-karpà</i>	"прорез"
"	<i>prà-teka</i>	"протекает"	<i>pró-taka</i>	"проток"
<i>põ</i>	<i>pa-bėga</i>	"убегает"	<i>pó-bėgis</i>	"побег, бегание"
"	<i>pa-gimsta</i>	"рождается"	<i>pó-gymis</i>	"природный нрав"
"	<i>pà-veikė</i>	"воздействовал"	<i>pó-veikis</i>	"воздействие"
<i>priė</i>	<i>pri-kiĩba</i>	"пристает"	<i>priė-kaba</i>	"прицеп"
—	<i>at-skaito</i>	"отсчитывает"	<i>at-skaità</i>	"отсчет"
			<i>atà-skaita</i>	"отчет"
<i>niõ</i>	<i>nù-veda</i>	"отводит"	<i>núo-vada</i>	"участок" (полиц.)
<i>ũž, užù</i>	<i>už-lėidžia</i>	"завешивает"	<i>užùo-laida</i>	"занавеска"
"	<i>ũž-kala</i>	"забивает"	<i>ũž-kalas</i>	"забойка" (деталь саней)
			<i>ũž-kalas</i>	"то же" (диал.)

и т.п. (для ясности приставки отделены дефисом).

Оставим сейчас в стороне приставки, отличающиеся усложненным составом – дву-сложные, типа *ata-*, и/или сильно варьирующиеся как в говорах, так и в литературном языке, типа *už-*, *ũž-*, *užiuo-*, *ažiu-*. Тогда применительно к оставшимся, т.е. одно-сложным, членом этого класса слов можно сформулировать (пока в общем виде, без большой детализации) следующее правило. В то время как именная приставка и предлог образуют пару, противопоставленную стандартными отношениями метатонии, глагольная приставка является внепарным третьим членом с интонацией краткости и обычно сильным экспираторным ударением. Типичный пример: *niõ* предлог, интонация циркумфлекс; *núo-* именная приставка, интонация акут; *nù-* глагольная приставка, интонация краткости. Если в качестве диагностического слова взять и.-е. **prõ-/*prõ-* с чередующимся долгим и кратким **-o-*, то в литовском наиболее близкие к праформе варианты находим 1) в паре предлог – именная приставка: *prõ* предлог "через, сквозь" с циркумфлексом – *pró-taka* "проток" (букв. "течение сквозь") с акутом; праформа с долгим **-o-*; 2) в паре именная приставка *prà-našas* "пророк" (букв. "проносящий") с долгим *-a-* (долгота – новая, фонетическая, не этимологическая) с циркумфлексом – глагольная приставка *prà-neša* "пронесит, объявляет" с интонацией краткости; праформа с кратким **-o-*. В обоих случаях, т.е. в сравнении (1) и (2), наиболее "исконной" на литовской почве формой следует признать приставку имени.

Рассматривая такие "тройки", мы полагаем, что здесь проявляется действие двух независимых фонетических тенденций. С одной стороны, действует тенденция к передвижению ударения между последним и первым слогом фонетического слова, частью этого процесса (этой тенденции) является и отношение предлога как проклитики с последующим словом; проявление этого – регулярные фонетико-просодические отношения между предлогом и именной приставкой. В литовском эта тенденция осложняется и усиливается общелитовской живой и динамической тенденцией к продвижению ударения слова "справа налево". С другой стороны, на весь выше-названный комплекс накладывается какая-то система иной природы, а именно – тенденция выделять "пик интенсивности" словосочетания, содержащего глагол, каковой пик интенсивности занимает всегда "крайне левую", начальную позицию. Своеобразие

литовских глагольных приставок в фонетико-просодическом отношении мы склонны трактовать как прямое проявление этой второй тенденции.

Уже из приведенного материала видно, что он состоит в связи с двумя достаточно общими закономерностями. Прежде всего, в связи с законом Лескина, поскольку глагольная приставка обнаруживает "акутовое сокращение" конечного слога, что является – в других типах слов – главным предметом этого закона (к этой связи мы вернемся ниже – разд. VI–VIII).

С другой стороны, в этом материале просматривается – пока не очень ясно – какое-то отношение к закону Ваккернагеля, на чем мы сейчас остановимся.

Закон Ваккернагеля в первоначальной формулировке (1892 г.), как известно, гласит, (1) что в индоевропейском предложении энклитики исконно занимают второе место после первого, ударного слова. К настоящему времени на материале различных древних и архаичных индоевропейских языков выявлен целый комплекс сопутствующих закономерностей, в частности, (2), (3), (4) и др., и мы будем понимать закон в этом широком смысле.

(2) В хеттском и других анатолийских языках первое место часто занимает частица, вводящая предложение, за которой следует целая цепочка энклитических частиц и местоимений, например, хет. *nu-wa-za-kan* "и – показатель прямой речи – возвратная – туда".

(3) В главном предложении в древнеиндийском преверб занимает первое, ударное, место, а глагол следует за ним как энклитика, например, *prá gacchati* "он идет вперед".

(4) В придаточном предложении в древнеиндийском, напротив, глагол занимает последнее, ударное место, а преверб предшествует ему, как проклитика и одновременно как энклитика по отношению к частице или союзу, вводящим это предложение, например, *yáḥ pra gacchati* "кто идет вперед".

Исследуя синтаксис превербов в древнегерманском, П. Хоппер отмечает, что в этом языке, как и вообще в индоевропейском, это один из самых загадочных фрагментов грамматики. Однако основные аспекты его ясны: в германском преверб может занимать или одну или другую из двух основных позиций (модельных позиций) – он или предшествует глаголу, стоящему на последнем месте, или занимает первое место в предложении (причем первая модель является, по-видимому, базовой); энклитики размещаются между превербом и глаголом [Норрег 1975: 42–43]. Положение дел в соответствующем фрагменте литовского языка во многих отношениях близко к этим чертам других индоевропейских (см. также ниже).

Таким образом, первоначальная узость в формулировке закона Ваккернагеля, относящаяся к т и п а м р а з м е щ е н и я частиц в предложении, в настоящее время восполнена и устранена (см., в частности, на греческом материале [Дунп 1989]).

Однако закон Ваккернагеля изначально содержал и неясность другой природы, более существенную. Оставалось неясным, относится ли закон к а к ц е н т н ы м т и п а м с л о в (которые занимают места в предложении в соответствии со своим типом) или же он характеризует а к ц е н т н ы е м е с т а во фразе (которые в соответствии со своей природой могут принимать в себя те или иные типы слов). Сразу скажем, что мы склонны трактовать закон во втором смысле. И именно материал литовских предлогов – превербов – приставок наталкивает на это в первую очередь: ведь этим словам (соответственно, морфемам) нельзя приписать никакой изначально заданной слоговой интонации, напротив, последняя возникает – притом в разном виде – в зависимости от положения этих слов во фразе (см. также ниже о греческом материале).

В направлении такой же трактовки идут современные исследования индоевропейской просодии. Мы имеем в виду те работы, в которых постулируется (а в некоторых и экспериментально доказывается) существование в индоевропейской фразе (предложении) "пика интенсивности". Прежде всего нужно указать цикл работ Т.М. Нико-

лаевой, которая по поводу нашего предмета замечает: "Закон Ваккернагеля звучал асинтаксически и асемантически: безударные слова (клитики) занимают вторую позицию в предложении"; это формулировка Ваккернагеля – "классический пример того научного мышления, при котором существуют лишь слова, ударные и безударные, но никак не интонация как система" [Николаева 1996: 18]. От такого понимания закона Ваккернагеля мы сейчас и отказываемся.

Но если понимать последний "синтаксически" и "в системе интонации", то сразу возникает вопрос о том, какова природа акцентного выделения (или нескольких таких выделений), в соответствующих сильных местах фразы по закону Ваккернагеля. Ответ на этот вопрос формировался долго и тяжело, начиная с классической работы (диссертации) Ж. Вандриеса (1902 г.) "Разыскания об истории и результатах начальной интенсивности в латинском языке" [Vendryes 1902]. Лишь в 1979 г. Л.Г. Герценберг смог, в порядке аргументированной гипотезы, определенно заявить, что "наряду с тонами в праязыке существовало кульминативное словесное ударение. Оно, по-видимому, падало на первый слог, не имело фонологического значения..." [Герценберг 1979: 37]. Детально обследовав типологически и экспериментально индоевропейский материал, Т.М. Николаева сформулировала обобщающую теорию, согласно которой индоевропейское слово имеет просодическую схему, в которой начальная ("правая") часть связана преимущественно с интенсивностью, а конечная ("левая") преимущественно с длительностью. «Предлагаемая теория объясняет "прояснение" первого слога как ударного во многих языках, поскольку первый слог индоевропейского слова является максимально повышенной точкой акцентной линии слова» [Николаева 1992: 76].

Закон Ваккернагеля в его современном прочтении мы понимаем как закон, формулирующий распределение "сильных" мест интенсивности в индоевропейском предложении. Распределяясь по этим (разным) местам, разные типы слов приобретают различный просодический облик. Собственный акцентный тип слова независим от его места в предложении, но результирующий облик слова является следствием совмещения собственного акцентного типа и просодической характеристики, проистекающей от места во фразе.

Вероятно, можно было бы выразиться и иначе: в зависимости от положения под пиком интенсивности (или вблизи от него) проявляются латентные просодические свойства слова. Литовские "тройки" 1) предлог, 2) преверб, 3) приставка являются иллюстрацией этого.

Приведем еще некоторые чисто литуанистические аргументы. Прежде всего, отметим сильноударенное начальное положение вопросительной частицы *aĩ* с интонацией циркумфлекса. Ее параллелями (а также средствами перевода) в русском выступают *ли* и *а*. Например, *Aĩ pažįsti tą žmogų?* "Знаешь ли ты этого человека?" или "А ты знаешь этого человека?" Две названные русские частицы как бы раздельно моделируют сложный характер литовской *aĩ* – русск. *ли* передает ее семантику, русск. *а* – ее начальное положение и функцию "введения" в предложение. (Этимологически русск. *а*, по-видимому, то же самое слово.)

К сожалению, насколько нам известно, на литовском материале нет никакого обзора частиц в их статусе энклитик и проклитик, подобного работе Р. Якобсона (1933 г.) на славянском материале [Jakobson 1971]. Между тем некоторые балтославянские параллели здесь очень интересны. Так, Якобсон указывает, что окончания славянского императива, который обычно занимает первое место в предложении, структурно уподобляются (по закону Ваккернагеля) структуре энклитических частиц. В вышеприведенном нашем примере энклитикой оказывается глагол; и, если считать, что на него падает второстепенное, слабое ударение, то уж безусловно энклитична (и одновременно – проклитична) его приставка.

Далее, надо отметить такую своеобразную черту литовского синтаксиса, как возможность употреблять одну глагольную приставку в качестве эквивалента всей

глагольной фразы, обычно во второй реплике диалога, – при этом всегда в начале реплики и в сильноударенной позиции. Например: *Ar pažįsti jį? – Pà!* "Ты познакомился с ним?" – По! (т.е. "Да, познакомился"). Ср. другие примеры [Zinkevičius 1966: § 588]: – *Ar nupióvet šiėnà? – Nù!* "Скосили сено? – Да!"; – *Ar jau iškepė duonà? – Iš, iš! Seniai jau.* "Испекли хлеб? – Да! Давно уже", и т.п.

Позиция, в которую помещается при этом преверб, настолько сильноударенная, что по аналогии с превербом в этой позиции иногда выделяется просто начальный слог глагольного слова, не являющийся приставкой: *Ar girdė jai? – Gir!* букв. "Слышал? – Слы!".

Итак, рассмотренные факты – "тройки" предлог – глагольная приставка – именная приставка с меной слоговых интонаций в них; сильноударенное начальное положение вопросительной частицы *aĩ*; отделяемость глагольной приставки в сильноударенной начальной позиции глагольной фразы как ответ на вопрос (в последних двух случаях мы имеем дело с парой взаимосвязанных предложений – вопрос и ответ) – мы считаем отражениями закона Вакернагеля на литовской почве.

Рассмотрим теперь альтернативное объяснение особенностей литовских превербов. Хотя, заметим сразу, изъятие вопроса о превербах из более широкого комплекса вопросов, очерченного выше, – это уже существенно иной вопрос, в сущности, относящийся скорее к морфологии. Как бы то ни было, мне известно только одно подробное системное (хотя, скорее, морфологическое и акцентологическое) объяснение этого фрагмента литовского языка – принадлежащее Йонасу Казлаускасу (1930–1970) и выполненное на материале именно литовского глагола с учетом диалектных данных [Казлаускас 1967; Kazlauskas 1968: 49–122]. Соприкасающиеся по теме работа Х. Педерсена [Pedersen 1933] относится главным образом к материалу имени, а статья К. Эбелинга [Ebeling 1963] главным образом к славянскому материалу. (Попытки обобщения типа [Kortland 1977] остаются малоудачными.) Объяснение Й. Казлаускаса полностью отлично от нашего. В некоторых пунктах, однако, имеется важное совпадение. Й. Казлаускас принимает как "первоначальное" положение ударения на глагольной приставке и затем переход его "вправо", на корень слова для некоторых фонетических типов глаголов. Мы, как уже было сказано, полагаем, что единое ударение глагольного слова никогда не имело места в таком виде, но что глагольная приставка (как ударная, так и безударная) попадала под "пик интенсивности", с различными последствиями этого "события" в зависимости от разных фонетических условий словосочетания, фразы в целом, акцентной парадигмы глагола и семантики.

С позиции Й. Казлаускаса трудно объяснить наличие ударения не на приставке, а на корне в таком типе, как *pa-šaukia* против *àp-serga*, что легко объясняется при принятии двух пралитовских акцентных парадигм – окситонной (она же подвижная) и баритонной [Stang 1966: 450; Zinkevičius 1981: 96–99]. Но и с той, и с другой позиции труднее объяснить такие случаи современной речи, как ударение на приставке *pà-šaukia* при сохранении неподвижного накоренного (баритонного) ударения в причастии *šaukiąs* вместо **šaukiąs*. Если бы речь шла об изменении типа парадигмы, превращении баритонной в подвижную (что в принципе в литовском возможно), то оставалось бы необъясненным, почему это изменение затрагивает только "левую", приставочную зону слова. Такого же типа неологизмы *àp-si-suka* при более старом *ap-si-suka*, и отчасти *nė-be-galiu* [Zinkevičius 1966: § 587].

Представляется гораздо более естественным объяснять все такие случаи продвижением ударения слова и словосочетания (фразы) "влево", к пику интенсивности, в тех говорах, а также в некоторой части литературного языка, где допускается такое движение в согласии с общей системой.

Й. Казлаускас (в указанной работе) высказал интересную мысль, что, возможно, имеется семантическое основание для сохранения постоянного ударения на приставке,

– то именно, что приставка и глагол срастаются в тесное семантическое единство, отличающееся по значению от бесприставочного глагола; аналогичным образом некоторые приставки, возможно, имеют более наречное, обстоятельственное значение, тяготеющее к более свободному положению (в частности, к тмесису). Но эта мысль требует детального обследования материала, еще не осуществленного. Такое положение дел, если оно подтвердится, было бы подобно тому, что имеет место в немецком языке в противопоставлении отделяемых и неотделяемых приставок, но в фонетическом отношении как бы в зеркальном отражении, поскольку в немецком как раз срастающаяся приставка теряет самостоятельное ударение.

Вернемся к фонетическому объяснению. Если, как мы полагаем, в рассматриваемых нами фактах имеет место совмещение двух фонетических тенденций – "движения ударения" и "проявления пика интенсивности", то, может быть, косвенное подтверждение этому можно видеть в других, родственных системах – жемайтской, латышской и штокавской. В жемайтском диалекте литовского, как отмечает Й. Казлаускас, "в настоящее время подсистема фонологического словоударения противопоставляется подсистеме внефонологического разграничительного словоударения, характерной особенностью которого является переход на предшествующий предлог", – с нашей точки зрения, проявление "пика интенсивности". "С диахронической точки зрения фонологическое словоударение всегда имеют: 1) слова с ударным акутированным слогом, ср. *vārna* "ворону", *sakāu* "говорю" и т.д., 2) слова с ударным внутренним (только неконечным) циркумфлектированным или кратким слогом, ср. *rõnka* "руку", *veinrõnkis* "однорукий", *bagūlis* "лежащий" и др. Остальные слова не имеют фонологического словоударения. ...Внефонологическое словоударение обладает той особенностью, что его реализация проявляется в виде определенного слогуударения..." [Казлаускас 1967] и т.д. (следует детализация). С этим гармонируют и более новые описания. Так, Ю. Пабрежа, отмечая как одну из важнейших черт просодии северожемайтского диалекта аттракцию ударения – его оттяжку с конечного краткого и долгого циркумфлектированного слога, подчеркивает, что она представляет собой не завершенное, установившееся, а динамическое явление, распространяющееся географически – с юга на север, и социально – она прогрессирует в речи молодого поколения. Отмечается также тесная связь с фразовой интонацией: аттракция начинается в слабых частях фразы, лишенных логического или эмфатического ударения. Высказывается гипотеза о влиянии на зарождение этого явления куршского субстрата [Пабрежа 1984].

Л а т ы ш с к и й я з ы к предоставляет нам ту аналогию, что в нем регулярно сильное ударение на первом слоге слова порождает сопутствующее явление в виде возникновения (наряду со старым акутом и старым циркумфлексом) т р е т ь е й слоговой интонации, "ломаной" (знак ^), которая, однако, будучи в историческом смысле новой, нарушает стабильность системы. В говорах трехчленная система снова стремится к двучленной, причем в верхнелатышских говорах циркумфлекс (^) поглощает собою акут (˘), а в западнолатышских, наоборот, акут (˘) поглощает циркумфлекс (^), между тем как второй, противопоставленной интонацией и там и тут остается новая, "ломаная" [Endzelin 1923: § 14]. Явление неустойчивой трехчленности можно сравнить с трехчленностью литовских "троек" – предлог, приставка глагола, приставка имени (см. выше).

Несколько другую аналогию дает с е р б о х о р в а т с к и й ш т о к а в с к и й. П. Гард (безотносительно к литовскому) формулирует его особенность в следующем виде: "всякое ударение, сначала (précédemment) находящееся на нена начальном слоге передвинулось на предшествующий слог, где оно приняло форму восходящего ударения (d'un accent montant) (^ на долгом гласном, ˘ на кратком). Только ударения, приходившиеся на начальный слог, там и остались, приняв форму нисходящих ударений (d'accents descendants) (˘ на долгом гласном, ˘ на кратком)" [Garde 1976, I:17]. Это позволяет Гарду принять следующую систему нотации: "Мы будем рассматривать форму, действительно засвидетельствованную в литературном языке как просто

фонетическую нотацію некоторой формы, которая – фоновая – остается тождественной форме, существовавшей до указанного изменения: мы будем поступать так, как если бы всякое восходящее ударение в действительности обозначало бы ударение, приходящееся на следующий за ним слог. Так, форма *vōda* должна читаться *vodā* и рассматриваться как форма с ударением на флексии; *zà kravu* представляет *krāvū* с накоренным ударением, ... и т.д." (там же). Мы видим, что этот способ нотації и стоящая за ним фонетико-фонологическая система очень близки к тем, что описаны Й. Казлаускасом в упомянутой нами работе (1967 г.) о жемайтском диалекте литовского.

Таким образом, мы перешли к вопросу о способах нотації, и он должен быть рассмотрен особо.

IV. НОТАЦИЯ ПРОСОДИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ; УРОКИ СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ СТИХА

Главный принцип, который является ведущим в современных исследованиях просодии, состоит в различении непосредственно наблюдаемых явлений, с одной стороны, и стоящих "за ними" явлений, или, лучше сказать, фактов, системы, непосредственно не наблюдаемых ("абстрактных", "конструктов"). Вообще говоря, это принцип, на котором основывается любое описание языка, поскольку оно не может воспроизводить фактов в их наблюдаемом виде; в частности, это и принцип фонологии в ее отличии от фонетики. Однако применительно к просодии стремление ограничить наблюдаемые фонетические факты от ненаблюдаемых фонологических, т.е. "фонологизирующий подход", далеко не всегда приводил к ясности (ср. выше о понятии "моросчитающие языки" у Н.С. Трубецкого). Здесь, вводя этот принцип, мы никоим образом не связываем его с непременно фонологической трактовкой: речь идет о необходимости разграничивать два ряда явлений просодии самой по себе, просодии как таковой (а не как части фонологии).

Исторически первыми были здесь лингвисты Копенгагенского кружка, для которых описание просодии было лишь частью абстрактной нотації явлений синтагматики (например, управления; примыкания и т.д.). В 1932–37 гг. Л. Ельмслев выпускает серию работ по этим вопросам [Hjelmlev 1932; 1937]; его принципы нотації стали одним из оснований последующих систем, в частности, и упомянутой выше системы П. Гарда (см. критический разбор [Степанов 1975: 73–81]).

Сейчас мы введем новый, практически еще не использовавшийся компонент описания просодии, восходящий к некоторым современным теориям стиха. Мы имеем в виду прежде всего систему анализа стиха А.П. Квятковского (1888–1967). Она прошла два этапа, составивших соответственно две ее части. В первой, разработанной еще в 1930-е годы, части Квятковский анализирует соотношение стиха с музыкой и разрабатывает музыкальные приемы нотації. Во второй части, составившей содержание его работы последних лет [Квятковский 1966], автор уделяет главное внимание новым, абстрактным приемам нотації. Именно они важны для нас в связи с темой данной статьи.

Свою систему Квятковский противопоставляет системе "классического" стиховедения (восходящей к реформе В.К. Тредиаковского). В последней первичной, кратчайшей мерой метрического анализа стиха является с т о п а, в системе Квятковского иная мера – к р а т а. Для сравнения той и другой удобно взять трехдольники, поскольку стопа и крата совпадают только при анализе трехдольников, трехдольных размеров. Их основных разновидностей в классической, "стопной" системе, как известно, три: дактиль, амфибрахий, анапест. В системе Квятковского их также три, три "трехдольника" – 1-й, 2-й, 3-й. Кроме того, в системе Квятковского предполагается учет реально не звучащих долей стиха, но реально существующих в абст-

рактном метрическом ряду, их обозначение – \wedge . Соотношение обеих нотаций видно из следующего примера – амфибрахия (Лермонтов "Три пальмы"); первая строка – амфибрахий в классической "стопной" нотации, вторая – в нотации Квятковского, "трехдольник второй":

Ана́круза – безударные, предтактовые доли стиха, предшествующие первому метрическому акценту. Эпи́круза – затактовые доли стиха, затактовые в том смысле, что следуют за последней полной кратой; эпикруза в системе Квятковского начинается последним акцентом в тактометрическом периоде. (Тактометрический период – стих, представленный в абстрактной системе по Квятковскому.) Тактометрический период начинается анакрузой и заканчивается эпикрузой. Следует подчеркнуть одно обстоятельство, очень важное для дальнейшего теоретического анализа: анакруза и эпикруза, смыкаясь, дают полную крату. Таким образом, тактометрический период в полном виде может быть представлен в виде кольца, или бесконечно длинной цепи элементов, внутренняя структура которой получает различный вид в зависимости от остановки движения в той или иной ее клетке (доле). Здесь мы получаем основу для дальнейшей формализации по схеме машины Поста и далее, возможно, по схеме машины Тьюринга. Это не положение теории Квятковского, но следствие, которое мы из нее извлекаем (см. [Степанов 1990]).

Подход Квятковского позволяет ему представить трехдольные размеры русского стиха в следующей единой системе:

Трехдольник 1-й		<div style="display: flex; justify-content: space-around; width: 100%; margin-top: 5px;"> ∪ ∪ ∪ </div>	– дактиль, безанакрузная, базисная форма
Трехдольник 2-й	∪ ∪	<div style="display: flex; justify-content: space-around; width: 100%; margin-top: 5px;"> ∪ ∪ </div>	– амфибрахий
Трехдольник 3-й	∪ ∪	<div style="display: flex; justify-content: space-around; width: 100%; margin-top: 5px;"> ∪ </div>	– анапест

Схема Квятковского дает хорошую основу для различных модельных представлений. В частности, – это видно непосредственно из схемы, можно рассматривать соотношение трех данных размеров русского стиха как их взаимное порождение, начиная с любой из строк, путем передвижения ударения. Напротив, можно рассматривать их порождение как движение реальной звуковой строки вокруг одного базового ударения, остающегося неподвижным. Второго способ подходит к нашему рассмотренному выше материалу, связанному с законом Ваккернагеля. В следующем разделе (VII) мы применим этот способ для абстрактного описания сдвигов ударения "влево" в материале литовского языка.

V. ЗАКОН ЛЕСКИНА, РАССМОТРЕННЫЙ В ДВУХ СИСТЕМАХ НОТАЦИИ – КОНКРЕТНОЙ И АБСТРАКТНОЙ

Закон Лескина [Leskien 1881] с существенным дополнением Я. Эндзелина (1911 г.) [Endzeliņš 1974: 295] гласит: в литовском языке конечные слоги, находящиеся под акутовым ударением, в многосложных словах подверглись сокращению, принимая уда-

рение краткости, а в односложных словах сохранили свою долготу, принимая ударение циркумфлекса (интонацию циркумфлекса). Примеры самого А. Лескина – это прилагательные, против тех же прилагательных в членной форме, где за исконно конечным слогом следует слог, образованный постпозитивным членом:

		Сократившиеся		Несократившиеся
Муж. ед.	инстр.		<i>gerù</i>	<i>geriú-ju</i>
	мн. номин.		<i>geri</i>	<i>gerie-ji</i>
	аккуз.		<i>geràs</i>	<i>geriúos-ius</i>
Жен. ед.	номин.		<i>gerà</i>	<i>geró-ji</i>
	инстр.		<i>gerà</i>	<i>gerá-ja</i>
мн.	аккуз.		<i>geràs</i>	<i>gerás-ias</i>
	Глагол наст. I		<i>sukù</i>	<i>sukiúo-s</i> (возвратн.)
	" 2.		<i>suki</i>	<i>sukie-s</i> "

Другие примеры: это главным образом местоимения *tiē, šiē, jiē, kokiē, kuriē* и т.п. (последние два, по-видимому, по аналогии с односложными), а также жен. род. пад. ед. числа *tōs* при *geràs* (см. выше) и т.п. Одновременно все это и есть примеры традиционной, т.е. к о н к р е т н о й, нотации. Они напоминают рассмотренные выше "тройки" предлог – преверб – приставка.

Что касается абстрактной нотации, то, по нашему мнению, мы находим ее в трактовке закона Лескина у Е. Куриловича [Kuryłowicz 1934]. Начинает Курилович как бы "от обратного", указывая, что в современном литовском языке непосредственно на бл ю д а т ь исконные акутовые интонации в конечном слогом как раз нельзя: немногие случаи такого рода – все лишь "видимость", т.к. они объясняются новыми морфологическими процессами. Таким образом, "конечный слог с акутовой интонацией", с которого начинается Лескин свою формулу, – это не "факт", а лишь придуманное Лескином обозначение "неизвестного"; последнее, по Куриловичу, следует обозначить как *X*. Но точно так же не "факт" и такой же слог в формулировке "закона де Соссюра"; это, по Куриловичу, также *X*. "Закон Лескина и закон де Соссюра содержат больше, чем факты позволяют заключить. В действительности оба закона – это один и тот же закон: *A* (конечный слог, который сокращается) = *B* (конечный слог, который перетягивает на себя ударение с предшествующего слога с краткостной или долгой циркумфлексной интонацией). Лескин и де Соссюр сделали из этого один закон, введя элемент *X*, не данный фактами, а именно конечный слог с акутовой интонацией" [Kuryłowicz 1934: 26]. (Заметим, что излагая закон де Соссюра, Курилович допускает неточность, говоря о "конечном слогом" и приводя примеры *laikāi, laikāi* < **laikāu, *laikāi* 1 и 2 л. претерита глагола *laikyti* "держат", против 3 л. *laiko*, – в своем изображении. Между тем, сам де Соссюр в качестве главной иллюстрации своего закона приводит инфинитив этого глагола **laikyti* > *laikyti*, где "перетягивающий" слог не является конечным.)

Однако этим аргументация Куриловича против закона Лескина, по существу, не заканчивается. Она фактически переносится на почву древнегреческого языка, где Курилович – на этот раз, действительно, убедительно – демонстрирует обобщающую и объяснительную силу абстрактной нотации. И, поскольку она оказывается неприменимой к материалу закона Лескина, последний не является, по заключению Куриловича, научной констатацией.

Абстрактная нотация Куриловича в греческом материале применена им главным образом к многосложным словам, имеющим циркумфлексную интонацию ударного слога. Так, на примере прилагательного *εὐγενής* "благородный" (колонка 1 содержит абстрактную запись, колонка 2 – конкретную, в наших терминах); предшествует пример более простого случая – существительного

πατήρ "отец".

С х е м а I

Ед.	ном.	πα	τήρ		ρα
	ген.	πα	τρός		
	акк.	πα	τέ		
Мн.	дат.	πα	τρά		σι

С х е м а II

			1.			2.		
Ед.	ном.	εὐγε	νῆς					εὐγενῆς
	ген.	εὐγε	νέ			ος		εὐγενοῦς
	дат.	εὐγε	νέ			ι		εὐγενεῖ
Дв.	ген.-дат.	εὐγε	νέ			οιιν		εὐγενοῖν
Мн.	ген.	εὐγε	νέ			ων		εὐγενοῶν
	дат.	εὐγε	νέ			σσι		εὐγενεῶσι

Согласно системе Куриловича, в парадигме существительных типа πατήρ (см. схему I) выделяется срединная, неконечная колонка, содержащая ударения во всех падежах, такой тип ударения является "колонным". Единственной "фактически окситонной" формой (т.е., по нашей терминологии, в "конкретном ряду") будет форма номинатива ед. числа. Все остальные формы являются формами с "колонной окситонезой" ("окситонными в абстрактном представлении", по нашей терминологии), фактически же (в конкретном ряду), это формы баритонные. Аналогично этому, как это очевидно из следующей схемы II, можно представить слова типа εὐγενῆς.

Далее Курилович делает очень важное для нашей темы примечание: "Поскольку колонная часть парадигмы начинается ударным слогом, постольку внутри этой колонной части акцентуация всегда является рецессивной, идет ли речь о двусложных или трехсложных формах (типа (ἐ)πίδος или *(ἐ)πίδουιν)" [Kuryłowicz: 30–31, разрядка наша. – Ю.С.]. Таким образом, по существу, Курилович признает оттягивание ударения "влево" в греческом, но делает это применительно к абстрактному представлению слова.

Для нашей темы также очень интересно, что, выделяя в этой системе "предколонную часть", содержащую предударные слоги, и "колонную часть", начинающуюся всегда с ударного слога и включающую все следующие затем слоги, Курилович, по существу, делает тот же теоретический шаг в системе нотации, который примерно в это же время сделал применительно к системе стиха А.П. Квятковский, начиная первую "крату" всегда с ударного слога и вынося предшествующие ей слоги в предтактовую часть, эпикрузу (см. выше).

Если теперь мы вернемся, вслед за Куриловичем, к литовской акцентуации, то окажется, что там система иная: формы, "фактически окситонные", никогда, как утверждает Курилович (это утверждение мы сейчас не проверяем), не обладают колонной окситонезой, но всегда "маргинальной", что ясно из следующего примера (склонение слова *duktė* "дочь": мы намеренно выбрали тот же пример, который рассматривает Ф. де Соссюр со своей точки зрения [Соссюр 1977б: 628]):

Ед. ч.	Им.,	Зв.	<i>duk</i>	<i>iē</i>		<i>ri</i>
	Вин.		<i>dūk</i>	<i>ie</i>		
	Дат.,	Мес.	<i>dūk</i>	<i>ie</i>		<i>ri</i>
	Род.		<i>duk</i>	<i>ie</i>		<i>rės</i>
	Твор.		<i>duk</i>	<i>ie</i>		<i>ri</i> <i>mì</i>

Из этого во всяком случае ясно, почему Е. Курилович рассматривает балтийские и греческие слоговые интонации как две исторически независимые системы.

Что касается литовского оттягивания ударения "влево" или даже "скачка" ударения, то еще де Соссюр заметил, что "его переформулировке в чисто фонетический закон препятствует ряд обстоятельств" [Соссюр 1977б: 628 (сн.)].

На основе своего подхода (см. выше) Е. Курилович определяет возникновение циркумфлексной интонации в греческом как морфологический процесс, как первоначально

морфологическое уравнение: двуслоговая колонная часть с оттянутым ударением внутри парадигмы приравняется колонной односложной части с циркумфлексной интонацией ($\epsilon\upsilon\epsilon\upsilon\text{-}\nu\acute{\epsilon}\text{-}\omega\upsilon = \epsilon\upsilon\epsilon\upsilon\omega\upsilon$ и т.д.) [Kuryłowicz 1934: 31, 34].

Урок, который можно извлечь из всего этого применительно к закону Лескина, будет, пожалуй, таков: закон Лескина не составляет никакой явной параллели к фактам, описываемым в этой системе нотации (как де Соссюра, так и Куриловича). Кроме, пожалуй, одного обстоятельства – обнаружения "колонной окситонезы", т.е. "внутренней" окситонезы в противопоставлении "маргинальной окситонезе" – окситонезе слова в целом в отличие от окситонезы некоторых долей внутри слова, "tranches vocaliques" в терминологии Ф. де Соссюра. Мы используем этот принцип в своей абстрактной системе нотации (см. след. раздел).

VI. ОТТЯГИВАНИЕ УДАРЕНИЯ "ВЛЕВО", РАССМОТРЕННОЕ В НОТАЦИИ ДЛЯ ЯЗЫКА С МОРОСЧИТАЮЩЕЙ СИСТЕМОЙ ГЛАСНЫХ

(ТАБЛИЦА 3)

Это рассмотрение является просто более абстрактным, в "морном" виде, представлением фактов, аналогичных тем, которые были представлены выше в табл. 2 (разд. II).

Прокомментируем теперь некоторые выводы из абстрактного представления на модели.

Главный вывод заключается в том, что фонетическое объяснение не противоречит ни одной из морфологических теорий литовской акцентуации. Более того, оно создает тот общий фонетический фон, на котором могут осуществляться морфологические передвижения ударения, и этим фоном является тенденция сдвига ударения "влево".

Приведенная в таблице 3 схема является, в частности, моделью закона Лескина.

Модель объясняет одновременно и некоторые существенные сдвиги ударения, и "обращение" литовских интонаций, т.е. тот факт, что в литовском акут выступает в виде n и s x o d y \acute{c} \acute{e} \acute{y} резкой интонации, а циркумфлекс – в виде v o s x o d y \acute{c} \acute{e} \acute{y} нисходящей плавной (в отличие от того, что наблюдается в латышском и что постулируется для древнегреческого). Если (что постулируется) в определенном момент истории иктус оказывается на корневом слого глагола, то в акутовом слого он расположен на крайней справа море, а в циркумфлексном слого – на крайней слева море, – т.е. акут является в этот период восходящей, а циркумфлекс нисходящей интонацией, как, скажем, в греческом ($pa = be\acute{e} = ga$).

При дальнейшем движении иктуса влево акут задерживает его на том же слого, лишь перемещая в крайнюю левую позицию (т.е. акут становится нисходящей интонацией), а циркумфлекс отпускает иктус с себя на следующий слого влево. Восходящий характер циркумфлекса, т.е. мену его характера, при этом объяснить трудно. Можно предположить одну из двух причин: 1) или акут является сильным членом оппозиции, а циркумфлекс подстраивается под него именно по оппозитивному принципу (а не чисто фонетически); 2) или циркумфлекс является в морном счете более протяженной интонацией (хотя и более вялой), скажем трехморной в отличие от акута – интонации двухморной, и тогда первоначальное расположение иктуса в циркумфлексе – не на крайней левой море, а на срединной. Действительно, во многих индоевропейских штудиях, относящихся к конкретным примерам греческих и литовских слов, исследователи вынуждены предположить более протяженный характер циркумфлекса, нежели акута. Однако и при этом чисто фонетически объяснить "обращение" циркумфлекса трудно.

Здесь, однако, нужно вспомнить дополнение к закону Лескина, внесенное Я. Эндзелином: односложные слова не заменяют исходный акут интонацией краткости (как это происходит в основном корпусе фактов закона Лескина), а заменяют акут циркумфлексом: $*\acute{i}\acute{e} \rightarrow \acute{i}\acute{e}$. Этот массив односложных слов и мог послужить источником мощного аналогического воздействия на "новый циркумфлекс", преобразуя его в инто-

Сдвиг ударения влево и метатония в литовском глаголе
(модель)

Примеры	моры				Этапы
	4 ^{ая}	3 ^я	2 ^{ая}	1 ^{ая}	
1. <i>pa-bée-ga < *pa-beb-ga</i>	☺	☺	☺	☺	I
2. <i>pa-geĩ-džia < *pa-geĩ-džia</i> <i>pa-šau-kia < *pa-šau-kia</i>	☺	☺	☺	☺	
3. * <i>pa-vė-da < *pa-ve-dà</i>		☺	☺	☺	II
4. <i>pà-ve-da < *pa-vė-da</i>		☺	☺	☺	
5. <i>nù-s-ve-da < nu-si-ve-da</i>	☺	☺	☺	☺	III
6. <i>pà-šau-kia < pa-šau-kia</i> <i>pasigeĩdžia < pasigeĩdžia</i> <i>ap-si-suka < ap-si-suka</i>	☺	☺	☺	☺	
					Резюме
					до начала метатонии
					I
	←				II
	←				III
	←				

нацию восходящего характера – в полной оппозиции к "новому акуту", возникшему, как мы предполагаем, только лишь путем сдвига иктуса влево.

Наконец, приведенная в Таблице 3 схема не вполне удовлетворительно моделирует последний, 6-й этап (6-я строка таблицы) – помещение иктуса на приставку. Более удачным объяснением представляется нам, как уже было сказано выше, совмещение двух законов – Лескина и Ваккернагеля (в современном понимании последнего) на фоне третьей закономерности – общей тенденции к продвижению ударения "влево". Иктус оказывается на превербе не в силу единственно "движения ударения влево", а еще и в силу как бы отдельно заданного нахождения приставки под "пиком интенсивности" фразы; что касается фонетического вида преверба (его интонации краткости), то его следует объяснять действием закона Лескина: преверб – это особый тип слова, в котором исходная интонация акута (засвидетельствованная приставкой имени), замещается – при сокращении долготы гласного – интонацией краткости, как это имеет место в основном корпусе фактов, подпадающих под действие этого закона.

VII. НЕКОТОРЫЕ АНАЛОГИИ К ЛИТОВСКИМ "ТРОЙКАМ" (ПРЕДЛОГ – ПРЕВЕРЬ – ПРИСТАВКА ИМЕНИ) В ГРЕЧЕСКОМ

Греческие факты, о которых пойдет речь, впервые были поставлены в связь с системой слоговых интонаций Е. Куриловичем в упомянутой уже статье [Kuryłowicz 1934: 29]. Курилович рассматривал их как морфологические, системные тождества

Категория слов	Под собственным (словесным) ударением	Под "пиком интенсивности" во фразе
	Ударение ("иктус") занимает более правое положение	Ударение ("иктус") занимает крайнее левое положение
Греческий Соотносительные местоименные наречия ("Как?" – "Как-нибудь", "Когда?" – "Когда-н.")	Неопределенные *πο ός = πώς πο τέ ό τέ	Вопросительные *πό ός = πώς πό τε δ̄ τε
Литовский Соотносительные слова, соотносятся по закону Лескина (1), (2), (3)	Приставка имени (1) (по-видимому, древнейший вид слова в этой группе, интонация акут) <i>nūo-, prō-¹</i> Предлог (2) (интонация циркумфл.) <i>niō, prō</i> Односложные местоимения (интонация циркумфлекс) <i>iiē, šiiē</i>	Преверб (3) (сокращается из акутовой приставки) <i>ni-, prā-</i> (Сокращения не происходит, но интонация акута заменяется циркумфлексом)

¹Варианты *prā* и т.п. в позднейших отглагольных образованиях.

между словами различного фонетического (в частности интонационного) вида. Так, односложные слова с циркумфлексом системно тождественны многосложным словам (в частности, с основой на *-ī-*) и с рецессивным колонным ударением в середине слова (см. здесь выше, разд. V): *βοῦς, ναῦς, γραῦς, ἕς, σῦς, μῦς, δρῦς*; в таком же отношении к ним местоименные наречия *πῆ, πῶ, πῶς, ποῖ*, вводящие вопрос, и двусложные соотносительные наречия типа *ὅτε, πότε, τόθεν*, также вводящие прямой и косвенный вопрос. Всей последней подгруппе противопоставлены слова такого же морфологического строения, но с другой интонацией, а именно акутовой, обращающейся в гравис; *πῆ, πῶ, πῶς, ποῖ*, или имеющие ударение на последнем слоге (если они двусложные): *ὅτέ || ὅτῃ, ποτέ || ποτῇ, ποθέν || ποθεν*, – все они имеют значение неопределенности ("где-то", "когда-то", "когда-нибудь") или выступают в качестве относительных слов для связи предложений.

Однако главную идею этого соотношения выдвинул сам Я. Ваккернагель [Wackernagel 1877] и ее возобновил И.М. Тронский в своей книге о древнегреческом ударении: первоначально греческий глагол, по этой гипотезе, занимал такое же вариативное место в предложении, как и древнеиндийский (см. здесь выше). Когда в греческом языке возникло правило ограничения места ударности "конечным ансамблем", то глагол получил рецессивное ударение. "Перемещение произошло также и в составных глаголах, которые возникли из энклитических групп и, до ограничения ударения, имели его на превербе: *ἀποφερομεν (или вернее *ἀποφερομεν) > ἀποφέρομεν. Во многих случаях возникшее таким образом рецессивное ударение энклитических форм совпадало с обычным ударением тонических форм: φέρω, φέρομεν, ἔφερον ср. др.-инд. *bhārāmi, bhārāmah, ābharam*. Это акцентное тождество бывших энклитических и тонических форм было обобщено на все случаи в пользу свойственного бывшим энклитическим формам рецессивного ударения" [Тронский 1962: 86]. (По-видимому, мы должны в настоящее время на этой основе вернуться к идее Й. Казлаускаса о том, что и литовский глагол некогда имел ударение на превербе [Kazlauskas 1968: 66].) Мы подчеркнем, что соотносительные местоименные наречия занимают разные места в составе предложения и, следовательно, варьируются в соответствии с этим ритми-

ческим местом, подчиняясь закону Ваккернагеля (в его указанном выше современном понимании).

Сопоставим теперь греческие соотносительные местоименные наречия с литовскими "тройками, или триадами" предлогов–превербов–приставок (см. таблицу 4).

Из приведенных сопоставлений видно, что эти греческие и литовские факты нельзя рассматривать ни как чисто типологические параллели, ни как явления исторически абсолютно независимые (как считал Е. Курилович). Перед нами явления одного типа, совпадающие в ряде существенных мелких деталей, не имеющие, по-видимому, единого явления-источника в системе праязыка, но подчиняющиеся одним и тем же закономерностям, унаследованным обоими языками из общего праязыка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Булаховский 1947 – Акцентологический закон А.А. Шахматова // Булаховский Л.А. Избранные труды: В 5-ти томах. Т. 4: Славянская акцентология. Київ, 1980.
- Гаршва К.К. 1977 – Слоговые акценты в фонологической системе (на материале литовского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1977.
- Герценберг Л.Г. 1979 – Реконструкция индоевропейских слоговых интонаций // Исследования в области сравнительной акцентологии индоевропейских языков. Л., 1979.
- Дыбо В.А. 1981 – Славянская акцентология. М., 1981.
- Казлаускас Й. 1967 – Историческая грамматика литовского языка (акцентуация, имя существительное, глагол): Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Вильнюс, 1967.
- Квятковский А.П. 1966 – Поэтический словарь. М., 1966.
- Мейе А. 1938 – Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л., 1938.
- Николаева Т.М. 1992 – "Динамическое ударение" и/или вершина акцентной кривой слова // Linguistique et slavistique. Mélanges offerts à P. Garde. Aix-en-Provence; Paris, 1992.
- Николаева Т.М. 1993 – Просодическая схема слова и ударение. Ударение как факт фонологизации // ВЯ. 1993. № 2.
- Николаева Т.М. 1996 – Просодия Балкан. Слово – высказывание – текст. М., 1996.
- Пабрежа Ю.Ю. 1984 – Динамика аттракции ударения в северожемайтском наречии: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Вильнюс, 1984.
- Славятинская М.Н. 1966 – Учебник древнегреческого языка. Ч. 1, 2. М., 1966.
- Соболевский С.И. 1948 – Древнегреческий язык. М., 1948.
- Соссюр Ф. де. 1977а – К вопросу о литовской акцентуации (Интонация и ударение в собственном смысле слова) // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977.
- Соссюр Ф. де. 1977б – Литовская акцентуация // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977.
- Степанов Ю.С. 1972 – Ударение и метатония в литовском глаголе // Baltistica (Vilnius). Priedas I, 1972.
- Степанов Ю.С. 1974 – О зависимости понятия фонемы от понятия слога при синхронном описании и исторической реконструкции // ВЯ. 1974. № 5.
- Степанов Ю.С. 1975 – Методы и принципы современной лингвистики. М., 1975.
- Степанов Ю.С. 1990 – К построению общей модели русской речевой цепи и русского стиха // Язык: система и подсистемы. К 70-летию М.В. Панова. М., 1990.
- Степанов Ю.С., Эдельман Д.И. 1976 – Семиологический принцип описания языка // Принципы описания языков мира / Отв. ред. В.Н. Ярцева, Б.А. Серебрянников. М., 1976.
- Тронский И.М. 1962 – Древнегреческое ударение. М.; Л., 1962.
- Трубецкой Н.С. 1960 – Основы фонологии. М., 1960.
- Viša K. 1961 – Rinkiniai raštai. T. III. Vilnius, 1961.
- Collinge N.R. 1985 – The laws of Indo-European. Amsterdam; Philadelphia, 1985.
- Dunn G. 1989 – Enclitic pronoun movement and the ancient Greek sentence accent // Glotta (Göttingen). Bd. LXVII. Hf. 1–2. 1989.
- Ebeling C. 1963 – Questions of relative chronology in Common Slavic and Russian phonology // Dutch contributions to the 5-th International Congress of Slavistics. The Hague, 1963.
- Endzelin J. 1923 – Lettische Grammatik. Heidelberg, 1923.
- Endzelins J. 1974 – Славяно-балтийские этюды // Endzelins J. Darbu izlase II. Rīgā, 1974.
- Garde P. 1976 – Histoire de l'accentuation slave. T. I, t. 2. Paris, 1976.
- Girdenis A. 1981 – Fonologija. Vilnius, 1981.
- Hjelmslev L. 1932 – Études baltiques. Copenhagen, 1932.
- Hjelmslev L. 1937 – Accent, intonation, quantité // Studi baltici. V. 6. 1937.

- Hopper P.J.* 1975 – The syntax of the simple sentence in Proto-Germanic. The Hague; Paris, 1975.
- Jakobson R.* 1962a – Die Betonung und ihre Rolle in der Wort- und Syntagmaphonologie [1930–31] // Jakobson R. Selected writings. V. I: Phonological studies. The Hague, 1962.
- Jakobson R.* 1962b – Sur la théorie des affinités phonologiques [1936–38] // Jakobson R. Selected writings. V. I. The Hague, 1962.
- Jakobson R.* 1971 – Les enclitiques slaves [1933] // Jakobson R. Selected writings. V. II: Word and language. The Hague, Paris, 1971.
- Kamantauskas V.* 1928 – Trumpas lietuvių kalbos kirčio mokslas. I dal: Teorija. Kaunas, 1928.
- Kazlauskas J.* 1968 – Lietuvių kalbos istorinė gramatika (kirčiavimas, daiktavardis, veiksmažodis). Vilnius, 1968.
- Kortland F.* 1977 – Historic laws of Baltic accentuation // *Baltistica* (Vilnius). T. XIII (2), 1977.
- Kuryłowicz J.* 1934 – L'indépendance historique des intonations baltiques et grecques // *BSL*. T. 35. Fasc. 1, 1934.
- Lehmann W.P.* 1966 – Theoretical bases of Indo-European linguistics. L.; N.Y., 1966.
- Leskien A.* 1881 – Die Quantitätsverhältnisse im Auslaut des Litauischen // *AfslPh*. Bd. V. 1881.
- Pakerys A.* 1971 – Psikoakustinis balsių panašumas // *Kalbotyra*. 1971. T. 23 (1).
- Pakerys A.* 1982 – Lietuvių bendrinės kalbos prozodija, Vilnius, 1982.
- Pedersen H.* 1933 – Études lituaniennes. Copenhagen, 1933.
- Stang Chr.* 1966 – Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen. Oslo; Bergen; Tromsø, 1966.
- Stundžia B.* 1995 – Lietuvių bendrinės Kalbos kirčiavimo sistema. Vilnius, 1995.
- Vendryes J.* 1902 – Recherches sur l'histoire et les effets de l'intensité initiale en latin. [Thèse]. Paris, 1902.
- Wackernagel J.* 1877 – Der griechische Verbalaccent // *KZ*. Bd. XXIII, 1877.
- Wackernagel J.* 1892 – Über ein Gesetz der indogermanischen Wortstellung // *IF*. Bd. I, 1892.
- Zinkevičius Z.* 1966 – Lietuvių dialektologija. Vilnius, 1966.
- Zinkevičius Z.* 1981 – Lietuvių kalbos istorinė gramatika. T. II. Vilnius, 1981.